

Научная статья
УДК 811.131.1+81'42+81.37

Речевые интродукторы в романе Джорджо Бассани «Il giardino dei Finzi-Contini» и его переводе на русский язык

Е. С. Борисова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
borisova.es@linguanet.ru

Аннотация. В статье на материале одного из ключевых итальянских романов XX века «Il giardino dei Finzi-Contini» Дж. Бассани и его переводе на русский язык рассматриваются предикативные элементы, вводящие «чужую» речь. Цель данной работы – определить роль и степень воздействия интродукторов на читателя в контексте переданной речи в итальянском и русском текстах. Сравнительно-сопоставительный метод позволит выделить лексико-семантические и синтаксические особенности, влияющие на восприятие переданной речи итальянским и русским читателем и определить причины несоответствий интродукторов в оригинале и переводе. Результаты исследования будут отражены в классификации интродукторов, составленной с применением лексико-семантического, синтаксического и прагматического анализа.

Ключевые слова: «чужая» речь, прямая речь, несобственно-прямая речь, интродукторы, итальянский и русский язык, синтаксис, семантика, перевод

Для цитирования: Борисова Е. С. Речевые интродукторы в романе Джорджо Бассани «Il giardino dei Finzi-Contini» и его переводе на русский язык // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 12 (893). 16–25.

Original article

Speech Introducers in Giorgio Bassani's Novel “Il giardino dei Finzi-Contini” and Its Translation into Russian

Elena S. Borisova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
borisova.es@linguanet.ru

Abstract In the article, based on the material of one of the key Italian novels of the XX century, *Il giardino dei Finzi-Contini*, J. Bassani and his translation into Russian consider predicative elements introducing reported foreign speech. The purpose of this work is to determine the role and degree of influence of introducers on the reader in the context of the transmitted speech in Italian and Russian texts. The comparative method will allow to identify lexical, semantic and syntactic features that affect the perception of the transmitted speech by the Italian and Russian readers and determine the causes of inconsistencies between the introducers in the original and the translation. The results of the study will be reflected in the classification of introducers, derived on the basis of lexico-semantic, syntactic and pragmatic analysis.

Keywords: reported speech, direct speech, free indirect speech, introducers, Italian and Russian, syntax, semantics, translation

For citation: Borisova, E. S. (2024). Speech introducers in Giorgio Bassani's novel “Il giardino dei Finzi-Contini” and its translation into Russian. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 12(893), 16–25. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Любой художественный нарратив насыщен разными голосами, которые могут включаться в текст следующими синтаксическими конструкциями¹: прямой речью (ПР), свободной прямой речью (СПР), несобственно-прямой речью (НПР) и косвенной речью (КР). Для данной работы из романа Дж. Бассани² и его перевода³ было выбрано 333 контекста со всеми указанными видами «чужой» речи (ЧР), кроме СПР, поскольку данная конструкция не характерна для его прозы; не учитывались также высказывания, передающие мысли персонажа.

Актуальность и новизна данного исследования состоят в том, что, несмотря на существующие противоречивые точки зрения по данному вопросу, мы указываем на наличие интродукторов во всех перечисленных выше конструкциях, а также в том, что материал нашего исследования ставит под вопрос положение о большей эксплицитности итальянского текста по сравнению с русским за счет превалирования в нем речевых глаголов. С практической точки зрения данная работа полезна, поскольку ее выводы и материал можно использовать в курсах по лексикологии, теоретической грамматике, теории и практике перевода.

Противоположные точки зрения связаны с вопросом о наличии в конструкции НПР интродукторов. На их отсутствие указывал еще М. М. Бахтин [Бахтин, 1986]; Г. Вердин Диас называл их «ложными» (*los falsos verbos introductores*) [цит. по: Иванова, 1984, с. 14]; Н. С. Валгина полагала, что НПР в отличие от КР «не оформляется как придаточная часть» и «не вводится специальными вводными словами» в отличие от ПР [Валгина, 2000]. Таким образом, согласно Н. С. Валгиной, НПР включается в авторское повествование, сливается с ним и не отграничивается от него, поскольку не имеет типизированной синтаксической формы. Того же мнения придерживается и М. Н. Кожина⁴. К этой полемике примыкает вопрос о статусе изъяснительного союза в этой конструкции, который впервые поднял Шарль Балли. Он рассматривал НПР как позднюю разновидность косвенной речи, образовавшуюся во французском языке из-за появления бессоюзия

на месте гипотаксиса. В связи с этим следует отметить, что многочисленные примеры пограничных случаев в итальянском и в русском текстах доказывают обратное: НПР в отличие от ПР представляет собой зависимое в синтаксическом и в смысловом планах высказывание, предваряется интродукторами и может вводиться после изъяснительного союза:

Micòl si lamentava: [che il ragazzo la facesse troppo correre, che si dimostrasse così poco «cavaliere», e del buio, anche, «francamente eccessivo»]⁵ (с. 103).

В этом примере помимо интродуктора, свойственного КР, обращает на себя внимание и пунктуация: НПР предваряет двоеточие, невозможное при вводе КР. В русском переводе мы также видим двоеточие, но связь, как это и свойственно русскому тексту, бессоюзная, а личное местоимение субъекта повествования в 3-м лице указывает на то, что это НПР:

Миколь жаловалась: [мальчишка ее загонял, он совсем не «рыцарь», к тому же темно «чересчур»⁶...] (с. 77).

Пунктуация имеет прагматическую функцию, она помогает читателю идентифицировать разные голоса в тексте: ПР выделяется кавычками (в итальянском тексте) или тире (в русском переводе), а НПР маркируется тире, и это специфическая особенность оригинала романа Дж. Бассани. В русском это выделение пропадает, и читателю не столь очевидно вступление голосов персонажей: интродукторы довольно часто превращаются во вставные конструкции, как мы увидим в примерах основного текста статьи.

Не имея возможности подробно рассмотреть различие видов «чужой»⁷ речи, укажем на то, что интродукторы в информативном отношении не автономны, поскольку их роль состоит в подготовке последующего высказывания. Причем в языках с развитой системой согласования времен от них будут зависеть изменения в составе высказывания, переданного КР и НПР. Эти изменения касаются личных, временных и пространственных дейктиков.

¹По поводу типологии «чужой» речи см.: Борисова Е. С. Формальные способы устранения голоса нарратора в итальянской художественной прозе // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2016. № 1. С. 54–60.

²Bassani G. *Il giardino dei Finzi-Contini*. Torino: Einaudi, 1999. В примерах страницы электронного варианта издания помечены в скобках буквой «э».

³Бассани Дж. Сад Финци-Контини / пер. И. А. Соболевой. М.: Текст, 2008.

⁴Кожина М. Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта, Наука, 2003.

⁵Здесь и далее квадратными скобками в примерах выделяется переданная речь, за исключением ПР, в которой существуют графические маркеры-выделители.

⁶Помимо анализируемых нами синтаксических конструкций в романе Дж. Бассани встречается еще один вид «чужой» речи – цитация, однако ввиду ограниченного объема данной статьи она рассматриваться не будет.

⁷Прилагательное «чужой» мы ставим в кавычки, поскольку любое слово, любое высказывание в художественном тексте принадлежит автору.

С помощью сравнительно-сопоставительного метода в этой работе решаются следующие задачи: определение формально-синтаксических признаков, влияющих на восприятие текста читателем, составление классификации речевых интродукторов для всех видов ЧР, выявление причины несоответствия итальянского и русского текстов в том, что касается вводящих переданную речь элементов.

ЛОКАЛИЗАЦИЯ ИНТРОДУКТОРОВ

При восприятии текста с любой разновидностью переданной речи важную роль играет локализация вводящих ее элементов, так как реципиент (слушатель или читатель) опознает «чужое» в речи отправителя сообщения благодаря текстуальным и контекстуальным маркерам, указывающим на переключение плана высказывания от одного говорящего к другому. В зависимости от места интродукторов слушающий может быть сразу введен в курс дела (препозиция интродукторов), неожиданно понять, что перед ним переданная речь (интерпозиция интродукторов), или же должен догадаться, кому она принадлежит (постпозиция или отсутствие интродукторов) [Calaresu, 2004].

Казалось бы, наиболее естественный и распространенный ввод любого вида переданной речи – это **препозиция**, так как она заранее настраивает читателя на введение «чужих» слов в нарратив. Н. Д. Арутюнова указывает на то, что интродукторы могут предварять ПР независимо от ее смысла и цели [Арутюнова, 1999]. И такие примеры есть в романе Дж. Бассани, однако вводящие элементы непосредственно не подчиняют пропозицию, а лишь предваряют ее в предыдущем абзаце:

...il professor si affrettò a intervenire. <абзац> ПР (с. 97). → Профессор поспешил вмешаться. <абзац> ПР (с. 72).

В подавляющем большинстве рассмотренных нами примеров интродукторы находятся в **постпозиции**, и прежде всего это касается ПР. Они либо стоят непосредственно за ПР (как мы увидим далее в многочисленных примерах), либо находятся в следующем абзаце:

ПР <абзац> Era la prima volta che mi rivolgeva la parola (с. 51). → ПР <абзац> В тот раз она заговорила со мной впервые (с. 37).

В НПР ситуация иная: слова персонажа не выделяются кавычками и, следовательно, задача автора переключить внимание читателя с одного субъекта

речи на другой иными способами. Таким образом, интродукторы оказываются либо в **препозиции**, либо в **интерпозиции**. Причем чаще встречается последний вариант, поскольку в НПР интродукторы переходят в разряд вставных, комментирующих и разъясняющих ЧР речь элементов¹.

Отсутствие интродуктивных элементов, как и их дистанцирование, можно рассматривать как своеобразный стилистический прием, включающий читателя в работу по определению принадлежности высказывания голосу персонажа или голосу нарратора. Иллюстративный пример – пространственный диалог Миколь с главным героем в ПР на сс. 76–79 оригинала, где реплики персонажей чередуются без указания на субъект повествования. Такое отсутствие вводящих элементов связано с тем, что «позиция глагола речи во вводной клаузе не является обязательной при прямой речи» [Говорухо, 2020, с. 115] и в обоих языках остается незамещенной. На наш взгляд, нельзя говорить о полном отсутствии интродукторов, поскольку указание на субъект высказывания непременно должно существовать в тексте нарратора. И действительно, весь вышеуказанный диалог предваряется предикативными элементами, в составе которых имеются существительные речевой семантики: *conversazione* – *разговор*, *chiacchierata* – *болтовня*, они и указывают читателю на включение голосов персонажей в нарратив:

Ne era venuta fuori una lunga, anzi lunghissima conversazione <...> ironica e divagante chiacchierata di due stagionati studenti universitari... (с. 76). → У нас состоялся долгий, очень долгий разговор, тон которому задавала Миколь. Это была обычная, ироничная и пустая болтовня двух студентов университета... (с. 56)

СЕМАНТИКА И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВЫХ ИНТРОДУКТОРОВ

Группа интродукторов речи как в итальянском, так и в русском языке самая разнообразная, поскольку, с одной стороны, в толковании множества слов присутствует элемент *говорить*, с другой – словообразование с этим значением необычайной продуктивно из-за непосредственной связи глаголов речи с ситуацией высказывания [Зализняк, 2006]. В случае с переданной речью они устанавливают связь между текстом нарратора и высказыванием персонажа, а также характеризуют ситуацию речевого высказывания.

¹О различии вводных и вставных конструкций см.: Валгина Н. С. Современный русский язык: Синтаксис: учебник. М.: ВШ, 2003.

Основной единицей этой семантической группы является глагол *говорить* (*dire*). «Действие, выражаемое глаголом *говорить*, многоаспектно <...>. *Говорить* – это, “произносить”, “пользоваться устной речью”, “словесно выражать что-то”, “общаться с кем-то”, “сообщать кому-то что-то” и “утверждать» [Шмелев, 1973, с. 230].

Собственно глаголы речи в интродуктивном высказывании¹

Сравнительный анализ оригинала и перевода показал, что в написанном в плане прошедшего времени романе Дж. Бассани всего с глаголом *dire* в интродуктивной функции встретилось 137 форм, из них 111 – формы 3-го лица (*disse* – 57, *diceva* – 38, *aveva detto* – 15, *dicevano* – 1), а 26 – формы 1-го лица (*dissi* – 14, *dicevo* – 12). В русском тексте картина несколько иная: с глаголом *говорить* в перфективном и имперфективном вариантах насчитывается 193 формы: *говорил* (-а, -и) – 123, *сказал* (-а, -и) – 70. Интересно, что эти данные противоречат наблюдению Р. А. Говорухо о большей иерархичности итальянского текста, в том числе и за счет *verba dicendi*, превалирующих над аналогичными формами в русском тексте [Говорухо, 2019]. В связи с этим возникают следующие гипотезы:

- 1) итальянские речевые интродукторы обладают большим количеством семантических оттенков, чем аналогичные интродукторы в русском тексте, и при переводе эти оттенки нивелируются в форме гиперонима *говорить* – *сказать*;
- 2) отрицательные формы глаголов речи в составе интродукторов в итальянском тексте не переводятся ментальными глаголами в русском тексте;
- 3) в русском тексте глаголы речи имеют компенсаторный характер.

Для подтверждения этих гипотез необходимо провести последовательный анализ речевых интродукторов в оригинале и в переводе².

Помимо глагола *dire* собственно речевым интродуктором следует считать глагол *fare*. Он используется в итальянском тексте, чтобы избежать лексических повторов:

¹Следует обратить внимание на то, что глаголы речи в возвратной форме представляют собой интродукторы, указывающие на мысли субъекта высказывания, и поэтому речь о них пойдет в следующих наших работах.

²При классификации интродуктивных предикатов учитывалась спецификация способов произнесения, разработанная Анной А. Зализняк [Зализняк, 2006].

«Anche io so che cosa vuol dire veder morire un figlio di cinque anni», fece a un tratto Elia Corcos (с. 30).

В переводе эта проблема снимается за счет перевода фразеологизма *vuol dire* эпистемическим глаголом:

– Я знаю, что это значит: видеть, как умирает твой пятилетний сын, – сказал Элиа Коркос (с. 20).

Кроме этого, сочетание в тексте персонажа и нарратора речевого глагола *dire* и многозначного глагола *fare* в переводе превращается либо в сочетание разных аспектуальных форм, либо в сочетание речевого глагола с акциональным:

«Ma che cosa dici!» fece lui (с. 134э). → – Ну что ты говоришь! – сказал он (с. 195); «Ma sì, lasciami dire!» fece lui (с. 150э). → – Дай мне сказать! – заторопился он (с. 221).

Собственно речевые интродукторы имеют большое количество дополнительных оттенков, например, *сказать неправду* в случае с глаголом *mentire*:

«No, no» mentii (с. 60). → – Нет, нет, – солгал я (с. 44).

Эти оттенки реализуются также при вводе в текст стихотворных цитат с помощью глагола *declamare* – *декламировать*, включающем в себя сему качества и манеры произношения.

Как в случае и с другими глаголами в составе интродукторов, к основному речевому глаголу могут присоединяться обстоятельства образа действия, выраженные прилагательным, наречием, существительным, причастием, герундием, номинативной или предикативной синтагмой. Довольно часто они характеризуют манеру речи и указывают на источник звукоизвлечения и его характеристики, в переводе такая спецификация сохраняется:

Declamava a mezza voce, nel tono amaro e doloroso... (с. 143э) → Он декламировал вполголоса, с горькими и болезненными нотами... (с. 208).

Если речевой интродуктор в итальянском тексте входит в состав инфинитивного придаточного и лицо субъекта речи не выражено личной глагольной формой, вполне закономерна экспликация свернутых пропозиций и, соответственно, указание на субъекта речи в русском тексте:

Mi ascoltava declamare commosso Non chiederci la parola che squadri da ogni lato (с. 138э). → Он

внимательно слушал, как я читаю «Не проси слов, которые можешь найти» Монтале (с. 200).

В следующем примере мы видим два интродуктора: первый *si risolse a dar notizia* подготавливает читателя к последующим словам персонажа, второй – *premise* уточняет характер высказывания НПР. В переводе первый интродуктор передается собственно речевым глаголом, а второй, указывающий на неполноту знания, замещается собственно речевым глаголом:

...si risolse a dar notizia di due fatti curiosi: fra loro magari senza rapporto – premise –, ma non per questo meno significativi (с. 28). → ...отец <...> вдруг решился сообщить два любопытных факта. Может быть, между ними и нет прямой связи, сказал он, но это не умаляет их значения (с. 19).

Утрата характеристики речевого акта в русском тексте наблюдается и в следующем примере: опущен глагол *smentire* – *отрицать, не соглашаться*, стирается каузативная семантика глагола *assicurare*, направленная на адресата высказывания, таким образом глагол *sказать* в переводе выполняет исключительно интродуктивную функцию:

E a noi non era rimasto altro da fare che *smentire*, *assicurare* in coro che tutto, campo compreso, andava invece più che bene (с. 49). → И нам ничего другого не оставалось, как вместе, хором, сказать, что все прекрасно, что корт не имеет значения и для нас совсем не плох (с. 68).

Интродукторы, указывающие на акустические особенности высказывания персонажа

Эта группа самая многочисленная, поскольку в ее состав мы включаем «интенсивные» речевые глаголы, указывающие в первую очередь на силу звука, на некоторые физиологические особенности субъекта речи, прежде всего, его артикуляцию, и глаголы звукоподражания. При этом интенсивы могут *превосходить норму* или не доходить до нормы:

«Sta' attento», *gridò* <...> *di Micòl*... (с. 60) → «Повнимательнее там, – крикнула Миколь Ø... (с. 44).

На первый взгляд, при использовании глагола *gridare* спецификация способа произнесения касается только акустической характеристики высказывания. Однако в большинстве случаев этот глагол осложняется эмотивной семантикой, поскольку

причиной увеличения или уменьшения силы звука является эмоциональное состояние персонажа, о котором читатель узнает либо из вводящей ЧР предикативной конструкции, либо из более широкого контекста. Речевые интродукторы могут совмещать в себе акустические признаки, актуализацию внутреннего состояния субъекта речи и его отношение к адресату: *esclamò, con enfasi ironica* → *пошутила*; *esclamò sgranando gli occhi per lo stupore* → *воскликнул он, широко раскрыв глаза от удивления*; *chiesi, alzando la voce* → *спросил я погромче*.

«*Не доходящие до нормы*» речевые глаголы, могут указывать только на силу звука: *bisbigliò* → *прошептала она*, *sussurrò lei di rimando* → *шепнула она в ответ*. Или же могут дополнительно к интенсивности силы звука указывать на эмоциональное состояние говорящего: *brontolò* → *проворчала она*. На психофизическое состояние персонажа во многих случаях указывают обстоятельства образа действия: *mormorai incerto* → *сказал я неуверенно*; *borbottai, sentendo che il viso mi si copriva di rossore* → *пробормотал я, чувствуя, что лицо мое заливается краской*. Кроме этого, акустические особенности высказывания персонажа могут передаваться обстоятельствами образа действия в связке с собственно речевыми глаголами: *chiese, sempre sottovoce* → *спросила она вполголоса*.

В группу интродукторов, характеризующих акустические особенности высказывания персонажа входят и глаголы звукоподражания, которые роднят высказывание персонажа с неречевыми звуками: *sbuffò calma* → *фыркнула она*, *sibilava fra i denti* → *шипел он сквозь зубы*, *cantilenò ironico* → *почти пропел он иронично*. Их рассматривают как метафорические глаголы речевого поведения [Булыгина, Гарбуйо, Трипольская, 2019].

В итальянском тексте встретились примеры с опущением речевых интродукторов, но их функция компенсировалась наличием акциональных глаголов и их актантов, указывающих на акустическую характеристику высказывания персонажа, в переводе этот интродуктор отсутствовал: *mi chinai all'orecchio di Micòl* → Ø.

Интродукторы, указывающие на мимику и жестикуляцию субъекта высказывания

Поскольку речь произнесенная в большинстве своем эмоционально окрашена, а эмоции передаются не только акустически, но и визуально, мы выделяем отдельную группу интродукторов, указывающих на внешние проявления внутреннего состояния субъекта высказывания или его поведения. Очень часто оно связано с мимикой

и жестами, на которые указывают обстоятельства образа действия после глагола речи: *disse, con una graziosa smorfia della bocca* → *сказала она с изящной гримаской*. Эти обстоятельства могут быть выражены герундием, который указывает на активное действие и «имеет статус сопутствующей информации, тогда как в роли основной предикации выступает глагол речи» [Говорухо, 2020, с. 115]: *disse, deformando il viso in un'espressione di intenso fastidio* → *сказала она, поморщившись от досады*.

В следующем примере мы видим обратную ситуацию: основным является акциональный глагол, а речевой глагол в сравнительном инфинитивном придаточном указывает на речь не произнесенную:

Gonfiò le guance come a dire «Uffa! Finalmente!» (с. 63–64) → Надула щеки, будто говоря: «Уф, наконец-то!» (с. 47).

Взаимосвязь речи и мимики позволяет использовать соответствующие глаголы в функции интродукторов ЧР: *ammiccava divertita* → *весело подмигивала она*, «Ah sì?» *sogghignò lei* (с. 28). → – Да? – *хмыкнула она* (с. 38).

Причем в переводе встречается как смягчение интенсивности проявления чувств, например, *rise* → *он усмехнулся* вместо *засмеялся*, так и перевод акциональных глаголов интерактивными¹, выступающими в функции речевых: *ridacchiò Micòl* → *подхватила Миколь*.

В следующем примере в роли интродуктора выступает описание неречевой ситуации, которая в оригинале указывает на мимику или жесты субъекта высказывания. В переводе эта конкретизация заменяется другой неречевой ситуацией с интерактивным глаголом *vmeshatsya* и речевым глаголом *спросил* в составе интродукторов:

Il professor Ermanno tossì. *Puntò un dito verso Malnate*. <абзац> ПР *indicò* gentilmente (с. 53э). → Испугавшись, что насмешки дочери могут обидеть незнакомого химика, профессор поспешил *vmeshatsya*. <абзац> ПР *спросил он*, обращаясь к Малнате (с. 72).

ЧР может быть реакцией персонажа на поведение другого персонажа, и в этом случае в составе интродуктивного высказывания будут предикативные элементы, связанные с мимикой или жестами. Речевые интродукторы и в итальянском, и в русском тексте в этом случае излишни:

ПР *piagnucolò* (с. 69э) → ПР с тоской *сказала она* (с. 97);

Si era messa a ridere. <абзац> ПР (с. 116э) → Она *рассмеялась*: <абзац> ПР (с. 94);

I piccoli occhi <...> ridevano bonari <...>. НПР (с. 47э) → Его *маленькие серые глаза <...>* добродушно *смеялись <...>*. НПР (с. 94).

Р. А. Говорухо отмечает, что в русской письменной речи чаще, чем в итальянской, наблюдается компрессия предикатов речи: «ПР может непосредственно следовать за глаголами акциональной семантики или предшествовать им, что не характерно для итальянского текста» [Говорухо, 2020, с. 115], однако вышеприведенные примеры указывают, что и в итальянском тексте акциональные глаголы довольно часто вводят ЧР. Представляется, что набор способов невербального выражения чувств через мимику или жесты позволяет опускать речевые глаголы перед высказыванием персонажа и в русском, и в итальянском языках.

Интродукторы, выражающие оценку

В большинстве случаев интродукторы, представленные выше, помимо основного значения *передача чужой речи* включают в себя и другие значения, прежде всего связанные с эмоциями говорящего, которые пронизывают всю речевую деятельность человека и закрепляются в семантике слова. Очевидно, что указания на акустические особенности переданной речи, на мимику и жесты субъекта высказывания также связаны и с его эмоциями. В плане перевода важно различать вектор направленности этих эмоций, поскольку в них может актуализироваться внутреннее состояние субъекта речи: *sospirai* → *вздыхнул я*, *si lagno* → *захныкала она*; или передаваться отношение субъекта ЧР к адресату речевого действия:

Lei mi rimproverava → Она упрекала меня;

conveniva a questo punto Micòl, posandomi una mano sulla mano (с. 74) → соглашалась при этих словах Миколь, с состраданием глядя мою руку своей (с. 104).

Обращают на себя внимание случаи, когда в переводе интродукторы исчезают, превращаясь в описание внутреннего состояния персонажа:

soggiungevo, con un nodo alla gola (с. 74) → ∅ Но она даже представить не может, какое страдание причинили мне эти слова (с. 104).

¹См. раздел «Интерактивные интродукторы» данной статьи.

Возможен и обратный вариант: в переводе добавляется эмотивная характеристика высказывания персонажа:

Si fa così, santa pace? Ø (с. 45э) → Разве так делают? — возмущалась она (с. 62).

Интерактивные интродукторы

Этим термином мы обозначаем предикативные элементы (прежде всего глаголы), указывающие на взаимодействие реплик персонажей в диалогических единствах, которые могут быть оформлены разными конструкциями ЧР и указывать «на одну из трех логически возможных временных фаз ситуации – начало (*инхоатив*), продолжение (*континуатив*) и конец (*терминатив*)» [Плунгян, 2011, с. 216].

В начале диалога в итальянском тексте часто используются фазовые глаголы в связке с глагольными спецификаторами речевой пропозиции, а в русском тексте естественной заменой фазового глагола выступают временные наречия: *cominciò col chiedermi* → сначала он спросил меня.

В следующем примере схожая итальянская конструкция переводится эллиптической конструкцией с инхоативным глаголом, в которой опущен глагол речи. Однако на начало действия и его незавершенность, а также на неуверенность персонажа указывает модальная частица *было*:

«Ma... non so...» *cominciò a dire*, accennando al muro (с. 54). → – Ну... не знаю... — начал было я Ø, поглядывая на стену (с. 39).

В фазе **продолжения** диалога встречается множество вариаций. Интродукторы могут быть выражены самостоятельными глаголами-континуативами *continuare, proseguire, seguire, aggiungere* при этом в переводе мы не наблюдали никаких семантических изменений.

Как и в случае с инхоативной фазой, ЧР могут вводить предикативные группы, состоящие из фазового и речевого глагола, в них основной глагол переводится несовершенным видом: *continuava a ripetere sommessamente mio padre* → обычно повторял мой отец.

Ответ на реплику собеседника вводится либо отдельным речевым глаголом *rispondere* – отвечать, способным комментировать любые виды переданной речи, либо предикатом, указывающим на поведение персонажа:

«Beh, in un certo senso» *rispose* l'altro, *assentendo con un cenno del capo* (с. 53э). → – В общем-то да, – подтвердил тот Ø (с. 72).

Причем в переводе спецификация речевого глагола в оригинале включается в глагольную форму *подтвердил*, при этом утрачивается указание на внешнее проявление согласия-одобрения в поведении персонажа кивком.

ЧР, в которой выражается **согласие с собеседником**, в итальянском тексте вводится при помощи глаголов *approvare, confermare, ammettere*. Последний из перечисленных глаголов в значении *riconoscere, consentire* в переводе представлен либо собственным речевым интродуктором НПР, в котором нейтрализуется значения согласия и одобрение (*ammise* → сказал он), либо интерактивным глаголом, утратившим логическую связь с предыдущими высказываниями собеседника (*ammetteva* → добавлял он).

Несогласие с предыдущей репликой собеседника передается при помощи глагола-интродуктора *smentire* – опровергать, отрицать, и НПР персонажа в этом случае включается в текст нарратора без изъяснительного союза *che* – что:

Smentii in tono reciso: [non era vero] <...> (с. 67). → Я решительно все опроверг: [нет, это неправда] <...> (с. 48).

Передача **повтора** слов одного и того же персонажа в континуативной фазе осуществляется либо при помощи глагола *ripetere* в имперфекте, либо при помощи глагольного спецификатора *solere*: *soleva ripetere mio padre* → обычно повторял мой отец.

Интермедийные интродукторы также могут указывать на **продолжение субъектом высказывания своей же прерванной речи**, например, при помощи фазового глагола *riprendere* – возобновлять, продолжать начатое, который в оригинале романа Дж. Бассани в пяти случаях из семи комментирует ПР, только в одном – НПР, а в двух (в сочетании с речевым глаголом) предваряет ПР и НПР в сочетании с глаголами речи:

Micòl riprese a parlare. <абзац> ПР (с. 64э) → Миколь снова заговорила: <абзац> ПР (с. 92).

С этим же глаголом-интродуктором встретилось и двойное указание на вступление ЧР:

riprese a parlarmi: ma seria, adesso, grave. <абзац> Disse che НПР (с. 119) → ...заговорила снова, серьезно, с особым значением. <абзац> Она сказала, что НПР (с. 172).

Первый интродуктор сигнализирует о возобновлении речевого действия, второй непосредственно вводит пропозицию в НПР.

Интродукторы, указывающие на **продолжение только что сказанного**, представлены в романе глаголами *aggiungere, seguire, attaccare*. В переводе, однако, это значение исчезает (*attaccava solennemente il rabbino* → торжественно читал раввин), хотя из предыдущего контекста очевидно, что раввин именно продолжал (*attaccava*) свое речевое действие во время богослужения, произносил благословение на иврите, а не просто зачитывал слова *Да прибудет с тобой Бог и защитит тебя*.

С противоречием положения о том, что «элементы модуса получают в итальянском тексте более развернутое выражение по сравнению с русским текстом, где наблюдается тенденция к их полной или частичной редукции» [Говорухо, 2019, с. 157], мы столкнулись и в следующем примере, где речевой глагол-интродуктор, ясный из контекста, элиминируется в континуативной фазе, но компенсируется в переводе:

PR disse, con una graziosa smorfia delle labbra. E poi Ø: PR (с. 51). → PR сказала она с изящной гримаской. И добавила PR (с. 37).

Характеристика ЧР, связанная с **отстаиванием своей точки зрения или давлением на собеседника**, передается при помощи глаголов *insistere, incalzare, sostenere*. В переводе встретились как нейтрализация этого значения за счет использования речевого глагола *insistei* → *сказал я*, так и опущение:

«Allora vuoi, o non vuoi?» *incalzò* Micòl (с. 54). → – Так ты хочешь или нет? Ø (с. 39).

Указание на **включение в монолог субъекта повествования слов другого персонажа** происходит за счет речевого глагола *interloquire*, не имеющего прямого аналога в русском языке, в связи с чем в переводе появляется акциональный предикат с актантами, обозначающими речевое действие:

anche Bruno ogni tanto *interloquiva*, aggiungendo particolari (с. 84–85) → Бруно тоже вставлял в разговор некоторые замечания (с. 62–63).

Указание на **перебивание или прерывание речи собеседника и вступление ЧР** осуществляется с помощью акциональных глаголов, использованных в функции речевых: *ribattere* (ср. *r. un tasto del computer*), *interrompere* (ср. *i. una festa, il cammino*), *prorompere* (ср. *i. i soldati proruppero dalle trincee; c. in pianto*)¹. Причем в русском языке эквиваленты этих глаголов в первом своем значении относятся

именно к речевым: *ribattei seccamente* → *сухо отве-тил я*, *proruppe l'Adriana con l'abituale sventatezza* → *вмешалась Адриана с обычной напористостью*, *mi interruppe, scoppiando a ridere* → *Она со смехом перебила меня*.

В случае **прерывания или завершения** диалога или монолога в итальянском тексте используются либо глаголы логического вывода *concludere* – *завершать, заканчивать, заключать, делать вывод* либо акциональные глаголы в переносном значении *tagliare* – *пресекать, прерывать, прекращать*:

«Giacché non esiste situazione, per triste e noiosa che sia» *conclude*, «la quale non offra in fondo qualche compenso, e spesso sostanzioso» (с. 69э). → Ведь вообще не существует ничего такого, что, принося скуку, Ø не предлагало бы хоть что-нибудь в дополнение к ней (с. 97).

Как мы видим, в этом примере в переводе речевой глагол логического вывода опущен. А в следующем примере образное значение терминатива в переводе утрачивается: *tagliai corto* → *остановил* его я...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ примеров на материале романа Дж. Бассани «Il giardino dei Finzi-Contini» и его перевода на русский язык позволил сделать выводы о том, что на восприятие художественного текста, на выделение из него субъекта повествования оказывают влияние интродукторы ЧР. При этом важны их пунктуационное оформление, локализация и лексико-семантическое наполнение.

В том, что касается графического и пространственного маркирования ЧР, потенциал воздействия интродукторов в итальянском и русском текстах практически одинаков, за исключением случаев, когда вводящие НПР элементы, выделенные тире в оригинале, превращаются во вставные конструкции, выделенные запятыми в переводе.

В том, что касается лексико-семантического оформления, анализ примеров оригинала и перевода показал: вводить ЧР в итальянский и в русский текст могут интродукторы, включающие и речевые, и акциональные глаголы. Отсутствие вводящих элементов исключено: даже если в некоторых случаях и нет вводной клаузы, то в тексте содержатся дистанцированные предикативные элементы, указывающие на субъект повествования.

В плане типологических отличий итальянского и русского языка на примере избранного материала важно обратить внимание на то, что не подтверждается положение о большей эксплицитности

¹Примеры коллокаций приводятся из электронного словаря «Vocabolario Treccani». URL: <https://www.treccani.it/vocabolario/>

текста за счет превалирования в нем *verba dicendi*, так как в переводе собственно речевых глаголов больше на 56 единиц.

Компенсаторный характер речевых глаголов в составе интродукторов перевода связан как с тем, что в итальянском тексте элементы, вводящие ЧР, обладают большим количеством семантических оттенков (не последнюю роль играет многозначный

глагол *fare*), так и с тем, что в переводе этого романа довольно часто стираются оттенки, указывающие на психофизическое состояние субъекта высказывания.

В любом случае выявление противоречий сопряженных со связующей функцией речевых глаголов в итальянском и в русском языках требует дальнейшего верификационного анализа на более обширном материале.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.
2. Иванова Л. Т. Несобственно-прямая речь в испанском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 1984.
3. Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка. М.: Агар, 2000.
4. Calaresu E. Testuali parole. La dimensione pragmatica e testuale del discorso riportato. Milano: FrancoAngeli, 2004.
5. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека (Чужая речь: «свое» и «чужое»). М.: Языки русской культуры, 1999.
6. Говорухо Р. А. Глаголы речи и мысли как средства связи в итальянском тексте // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 3. С. 114–121.
7. Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления М.: Языки славянских культур, 2006.
8. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М.: Наука, 1973.
9. Говорухо Р. А. Глаголы речи в русском и итальянском текстах (пропозициональный аспект) // Итальянский язык и культура: связи, контакты, заимствования. Проблемы италянистики. Вып. 7. М.: РГГУ, 2019. С. 135–160.
10. Булыгина Е. Ю., Гарбуйо И., Трипольская Т. А. Метафорические глаголы речевого поведения в русском и итальянском языках: семантико-прагматический и лексикографический аспекты // Вопросы лексикографии. 2019. № 15. С. 17–35.
11. Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику. М.: РГГУ, 2011.

REFERENCES

1. Bahtin, M. M. (1986). Estetika slovesnogo tvorchestva. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)
2. Ivanova, L. T. (1984). Nesobstvenno-priamaya rech' v ispanskoy yazyke: PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
3. Valgina, N. S. (2000). Sintaksis sovremennogo russkogo yazyka. Moscow: Agar. (In Russ.)
4. Calaresu, E. (2004). Testuali parole. La dimensione pragmatica e testuale del discorso riportato. Milano: FrancoAngeli.
5. Arutyunova, N. D. (1999). Yazyk i mir cheloveka (Chuzhaya rech': "svoe" i "chuzhoe"). Moscow: Yazyki russkoj kul'tury. (In Russ.)
6. Govorukho, R. A. (2020). Verbs of speaking and thinking as linking elements in Italian text. Proceedings of VSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 3, 114–121. (In Russ.)
7. Zaliznyak, Anna, A. (2006). Mnogoznachnost' v yazyke i sposoby ee predstavleniya = Multivalence in language and ways of its representation. Moscow: Yazyki slavyanskih kul'tur. (In Russ.)
8. Shmelev, D. N. (1973). Problemy semanticheskogo analiza leksiki (na materiale russkogo yazyka) = Problems of semantic analysis of the lexicon (on the material of the Russian language). Moscow: Nauka. (In Russ.)
9. Govorukho, R. (2019). Speech Verbs in Russian and Italian Texts (Propositional Aspect). Italian Language and Culture: Links, Contacts and Borrowings. Problems in Italian Studies, 7, 135–160. (In Russ.)
10. Bulygina, E. Yu., Garbujo, I., Tripolskaya, T. A. (2019). Metaphorical Verbs of Speaking in Russian and Italian: Semantic-Pragmatical and Lexicographical Aspects. Russian Journal of Lexicography, 15, 17–35. (In Russ.)
11. Plungyan, V. A. (2011). Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku = Introduction to grammatical semantics. Moscow: RGGU. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Борисова Елена Сергеевна
кандидат филологических наук, доцент
заведующая кафедрой итальянского языка переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Borisova Elena Sergeevna
PhD (Philology), Associate Professor
Head of the Italian Language Department Faculty of Translation and Interpreting
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	10.09.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	13.10.2024	approved after reviewing
принята к публикации	18.10.2024	accepted for publication